

ВЛАДИМИР ПРЯГИН

ДУРМАН-ЗВЕЗДА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П85

Серия «Граница»

Художник обложки *Владимир Гурков*

Прягин, Владимир

П85 Дурман-звезда / Владимир Прягин. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 382, [1] с. — (Граница).

ISBN 978-5-17-097235-7

В этом мире правят военные кланы и поклоняются солнцу. Только-только появился порох, но уже существуют летучие корабли. И самая большая ценность — живая руда, что дороже золота. Ясень хочет вступить в один из кланов. Но жрецы солнца обвиняют его в том, что он служит не свету, а тени. Ясень ускользает от них, пускается в бега, находит товарищей по борьбе, но потом узнает, что он действительно — не из этого мира. Он действительно — порождение тьмы.

Подписано в печать 15.04.16.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Владимир Прягин, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

СТЕПЬ

1

В тот день, когда заплакало солнце, я был на пути в столицу.

Мы шли на крейсерской высоте над раскаленной степью. Попутный ветер наполнял паруса, и корабль развил неплохую скорость — десять, а то и все двенадцать лиг в час. Капитан обмолвился, что если так пойдет дальше, то уже к вечеру мы достигнем предгорий. Среди пассажиров эта новость вызвала оживление; я же только пожал плечами. С одной стороны, меня в столице ждали дела, и разобраться с ними следовало как можно скорее. С другой — дела эти были такого рода, что любая задержка воспринималась как праздник.

Я стоял на палубе у перил и смотрел, как тень от корабля скользит по земле. Степь была ровной, только у горизонта виднелось несколько пологих холмов. Ветер гнал зеленые волны в белых клочьях ковыльной пены.

За моей спиной послышался детский смех, и сразу же кто-то проскрипел мерзким голосом:

— Юная леди! Ведите себя прилично!

Смех оборвался. Обернувшись, я увидел девочку лет восьми или девяти в сарафане и соломенной

шляпке. Ее сопровождала пожилая аристократка. Впрочем, пожилая — это незаслуженный комплимент. Ходячая мумия — так, наверно, будет точнее. Лицо как застывший воск, глухое темное платье до подбородка и, несмотря на жару, перчатки. Худая и прямая как палка. С такой опекуншей, понятное дело, не забалуешь.

Малышка стояла перед ней, смиренно потупившись. Водила туфелькой по полу и молчала, изображая раскаяние. Из-под шляпки выбивались светлые локоны. Милейшее создание, в общем. Даже любопытно стало, что она могла натворить. Слишком резво скакала на одной ножке? Показывала язык рулевому?

Дослушав нотацию, девчонка подняла голову, и я удивленно хмыкнул.

Черты ее лица были совершенны. Такие бывают только у представителей древнейших родов, для которых чистота крови — навязчивая идея. Прежде я ни разу не видел, чтобы дети, рожденные в этих семьях, летали на обычных пассажирских судах. Древнейшие предпочитают личные яхты с толпой вооруженной охраны.

Сейчас телохранитель тоже имелся, но почему-то всего один — топтался поодаль и хмурил брови. Заметив, что я смотрю на девчонку, он сразу напрягся и стиснул рукоятку меча. Спасибо, хоть из ножен не вытаскил. Я пожал плечами и отвернулся, демонстрируя безразличие, но мысли мои упорно возвращались к попутчикам.

Как эта малышка здесь оказалась? И где остальная свита?

Пожалуй, надо сразу оговориться — я не люблю загадки. Прямо-таки терпеть не могу. За последние полвека они мне надоели до зубовного скрежета. Но судь-

ба рассыпает их передо мной, как пшено, и я, словно безмозглая курица, склевываю и склевываю по зернышку...

Наш корабль тем временем догнал одинокое облако и пристроился в его тень. На побережье, где воздух влажный, а небо низкое, особым шиком считается подняться до самых туч и царапнуть мачтой рыхлое брюхо. Но здесь, над горячей сухой равниной, этот фокус бы не прошел — облако, под которым мы спрятались, висело чересчур высоко. К тому же наши курсы не совпадали, и через минуту корабль выскочил из тени.

Я снова взглянул на пожилую даму и внутренне усмехнулся, увидев, как она достала из ридикюля «глазок». Золотое правило — если желаешь светской беседы, заговори о погоде. А если не знаешь, чем занять руки, возьми «глазок», посмотри на солнце и выдай что-нибудь о перспективах малого цикла. Желательно с умным видом, но это уж как получится.

Темное в серебряной оправе стекло, которым вооружилась аристократка, было овальной формы, размером чуть ли не в две ладони. Такое найдешь разве что в антикварной лавке. Нынешние модницы предпочитают стекляшки не крупнее медного пятака — их полагается носить на шее вместо кулона.

Старая карга достала чистый платочек и тщательно протерла «глазок». Поднесла его к лицу и поморщилась. Смахнула еще одну невидимую пылинку. Наконец, запрокинула голову и взглянула сквозь стекло на солнечный диск. Несколько секунд стояла как изваяние, недоверчиво щурясь. А потом вдруг взвизгнула совершенно по-бабьи.

Девочка в шляпке раскрыла рот. Для нее, похоже, стало сюрпризом, что опекунша умеет проявлять чело-

веческие эмоции. Телохранитель, который до сих пор сверлил меня взглядом, резко обернулся и дернул из ножен меч, готовясь разить врагов на всех направлениях. Какое-то время он растерянно вертел головой. Затем, не обнаружив прямой угрозы, спросил осторожно: — Леди?

Аристократка посмотрела на него, словно не узнавая, покачнулась и судорожно вцепилась в перила. С трудом отдышалась и прошептала:

— Плачет... О, боги, плачет...

Удивительно, но ее услышали, кажется, в самых дальних закоулках нашего судна. Буквально через минуту палуба кишела людьми. Здесь были все — от юнги до капитана. Даже кок в засаленном фартуке стоял среди пассажиров и, стиснув толстыми пальцами закопченное стеклышко, пялился в небо. Телохранитель, забыв про меня, тоже достал «глазок» и застыл неподвижно. И белокурая девочка, и матросы на мачтах, и рулевой, оторвавшийся от штурвала...

Я лихорадочно пытался соображать. Десятки и сотни мыслей — радостных и панических, дельных и бестолковых — пронеслись в голове за эту минуту, но главная из них сводилась к тому, что в столицу я уже не успею. Никак. Ни при каких обстоятельствах.

Потому что солнце не просто плакало — оно буквально рыдало.

На желтом диске виднелись черные пятна. Пять... нет, даже шесть были отчетливо различимы. Еще два я заметил, тщательно сфокусировав взгляд. И вроде бы совсем крохотная крапинка с краю, но утверждать не буду. Впрочем, неважно. Шесть крупных, с ума сойти! В прошлый раз было всего лишь три, и то ведь мало не показалось...

И, что хуже всего, самое большое пятно — точно в центре, как будто зрачок тарачится с неба. Жутковатое впечатление...

Народ вокруг загомонил и задвигался. Кто-то выругался сквозь зубы, кто-то, кажется, начал читать молитву. Раздался истерический смех. Капитан насупился, спрятал в карман «глазок», больше похожий на окуляр от бинокля, и отдельно произнес:

— Господа!

Сказано было так, что все моментально смолкли. Только ветер шумел и скрипели снасти. Облако, с которым мы разминулись, медленно уходило на юго-запад.

— Господа, в свете вновь открывшихся обстоятельств мы корректируем курс и график движения. Ориентировочно через два часа совершим посадку.

— В Белом Стане, я полагаю? — вежливо спросил дородный купец в камзоле с серебряным знаком гильдии.

— Именно так, сударь. Это ближайший город в пределах двадцати лиг. Там мы переждем, пока все закончится.

— Но позвольте! — проскрипела старая опекунша, отойдя, наконец, от шока. — Мы ведь должны были сесть в предгорьях! Капитан, вы сами сказали, что к вечеру доберемся. А до вечера ничего не произойдет, я в этом совершенно уверена...

— Леди, — ответил тот почти ласково, — прошу вас, пересчитайте пятна. Если бы речь шла об обычном или хотя бы о большом цикле, я согласился бы с вами без колебаний. Но сейчас...

— Полагаете, не успеем? — спросил кто-то из толпы.

— Вынужден допустить такую возможность. И не хочу, чтобы это, — капитан кивнул куда-то вверх, и все неволью задрали головы, — застигло нас в чистом поле.

— Вы не понимаете! — Аристократка не желала сдаваться.— Нас ждут на причале в предгорьях сегодня ночью. Это вопрос жизни и смерти, задержка совершенно недопустима! В конце концов, мы заплатили за билеты большие деньги...

— Это вы не понимаете, леди,— очень спокойно произнес капитан.— При всем уважении к вам, я не могу подвергать опасности пассажиров. Что касается денег, то я при необходимости верну их вам до последнего медяка. Мы сядем в Белом Стане, это не обсуждается.

Старуха поджала губы и замолчала. Пауза, однако, продолжалась недолго. Вперед протолкалась бойкая девица с дурацким шарфиком — он был так густо разрисован фиалками, что рябило в глазах. Барышня, очевидно, хотела походить за знатную даму. Фиолетовый — цвет чести и благородства; королевский герб украшен фиолетовой розой. Наряд принцессы на последнем балу был выдержан в соответствующих тонах. Девушкам простого сословия розы, конечно, не полагаются, поэтому остаются фиалки.

— Капитан, капитан! — От избытка эмоций она едва не подпрыгивала.— Значит, у нас еще два часа до посадки? Ведь правильно? Тогда давайте сейчас устроим гадание! Ну в самом деле, господа, нельзя же пропустить такой случай!..

Я мысленно сплюнул. Ох уж эти ревнителю народных традиций! При виде таких вот дамочек начинают чесаться руки — причем не только у меня (что, в общем, вполне понятно), но даже у братьев из храма Первой Слезы, уверенно идущих по пути к просветлению. Юмор ситуации в том, что до смены цикла осталось совсем немного, и вокруг сгущается сила. Значит,

с гаданием что-нибудь может и получиться. Вот только это будет совсем не то, чего ожидает барышня. Принца на пурпурном коне она, во всяком случае, не увидит — это я могу гарантировать...

Судя по тому, как поморщился капитан, его тоже одолевали сомнения. Но отказать было невозможно. Гадание под плачущим солнцем — обычай настолько древний, что нарушить его никто не осмелится. Глаза у всех уже загорелись.

— Хорошо, — сказал капитан, — давайте управимся поскорее. У кого есть... гм... необходимые атрибуты?

— У меня, у меня! — запищала барышня и хотела уже метнуться в каюту, но купец неожиданно заступил ей дорогу.

— Сударыня, — сказал он проникновенно, заглянув ей в глаза, — разрешите мне предоставить чашу. Поверьте, вы не будете разочарованы. Обещаю.

— Я... э-э-э... — пролепетала девица, не ожидавшая такого напора.

— Благодарю вас, — сказал купец. — Господа, я сейчас вернусь.

Он быстро покинул палубу. Кто-то спросил:

— А полотенце?

— Да, — кивнул капитан. — Стюард, займитесь этим.

— С вашего позволения, я бы посоветовал простыню.

— Простыню?

— Совершенно верно. Она большая, а нас здесь много.

— Хорошо, на ваше усмотрение.

Пока народ оживленно галдел в ожидании ритуала, я снова отошел к борту. Степь, проплывающая внизу, все так же дышала жаром, но я больше не замечал ее, думая о своем. Что сделают эти двое из рода Волка,

если не дождутся меня в столице? Наверняка попробуют управиться сами, и результат будет соответствующий. Впрочем, если солнце заплакало, то их возня меня уже не касается. Мое время вышло — еще один цикл я просто не потяну...

— Ну что, господа, приступим?

Купец вернулся быстро, как обещал. В руках у него был шар размером с большое яблоко — костяной, идеально отполированный, со вживленными лиловыми нитями. Явно непростая вещица. Барышня, которая первой вспомнила про гадание, прямо задохнулась от зависти. Владелец, довольный произведенным эффектом, аккуратно разъял шар на две половинки. Они были полые, и каждая могла быть использована как гадальная чаша.

Стюард деликатно пробрался через толпу и расстелил на палубе простыню. Все прониклись моментом и замолчали.

— Сударыня,— обратился купец к девице,— окажите мне честь. Будете ассистировать?

Та, похоже, только этого и ждала. Вытащила из ридикюля иголку и вопросительно оглянулась на капитана. Ну да, он тут главный — с кого же еще начать? Капитан вздохнул и протянул руку. Барышня быстро (чувствовалась сноровка) уколола ему указательный палец. Купец подставил чашу, и капля крови упала внутрь.

Кровь собрали у всех матросов и прочих членов команды, даже к рулевому сходили. Взялись за пассажиров. Когда очередь дошла до меня, я поколебался секунду — как бы не вышло хуже. Знали бы они, кому собираются делать кровопускание, разбежались бы, наверное, с воплями. А те, кто посмелей, попытались

бы сунуть меч между ребер. Но отказ от участия будет выглядеть подозрительно, а я не хочу привлекать внимание. И вообще, это будет даже забавно...

Я позволил сделать укол. На дне чаши к тому моменту уже скопилась красная лужица. Приняв мою каплю, она всколыхнулась и вроде бы слегка зашипела. Но никто, кроме меня, не присматривался — всем уже не терпелось начать гадание.

На очереди была старая опекунша. Я, правда, засомневался, можно ли из этой иссохшей мумии выдавить хоть капельку жидкости, но получилось. Барышня с иголкой вежливо кивнула старухе, присела перед малышкой и проворковала:

— Не бойтесь, юная леди, это как комарик укусит.

Та храбро выставила ладонку, и последняя порция крови попала в чашу. Купец снова сложил вместе два полушария. Огляделся и спросил:

— Все готовы?

— Начинайте, — пробурчал капитан.

Сейчас все столпились у надстройки на палубе — это сооружение защищало от ветра. Купец держал шар двумя руками над простыней и сосредоточенно хмурился. Бойкая барышня нервно теребила свой шарфик. Белокурая малышка восторженно замерла, распахнув глазщицы, а ее опекунша недовольно кривилась — очевидно, из-за того, что ритуал совершается в компании немых простолудинов. Что делать — никто не может предвидеть, где и с кем его застигнет судьба, когда солнце уронит первые слезы.

— Свет и прах, — произнес купец.

Лиловые нити, вживленные в шар, замерцали и начали шевелиться. Они отлеплялись от гладкой поверхности и чутко подрагивали — это было похоже на тон-

чайшие щупальца. Или на водоросли, что колышутся в спокойной воде.

— Прах и кровь.

Теперь казалось, что вокруг шара клубится подсвеченная лиловая пыль. Частички ее прилипали к нитям, и те утолщались, становились длиннее. Облачко пыли густело и раздувалось. «Щупальца» задвигались быстрее и резче, словно шар торопился собрать как можно больше лиловой взвеси.

Краем глаза я увидел, что паруса на мачтах обвисли — ветер стих, как будто боялся помешать ритуалу. Вокруг стояла мертвая тишина.

— Кровь и свет!

Резким движением купец разделил половинки шара, и в воздухе остался висеть темно-красный сгусток. Он не упал на пол, а нехотя, очень медленно опускался и при этом увеличивался в размерах, впитывая пыльцу и постепенно меняя цвет.

Потом снижение прекратилось. Раздутая пурпурная капля, словно в сомнениях, застыла над простыней. Народ затаил дыхание, ожидая, что кровь вот-вот сорвется на полотно. Все были готовы читать узоры, которые там возникнут.

Но вместо этого сгусток пополз наверх.

В толпе испуганно вскрикнули.

Пульсирующий клубок поднялся над нашими головами. Люди следили за ним, заслоняясь ладонями от слепящего солнца.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом вдруг ветер, опомнившись, оглушительно взвыл и швырнул сгусток крови на белый парус.

Клякса на парусине начала расползаться; лучи ее изламывались и пересекались друг с другом. Стало по-

нятно, что пурпурные разводы складываются в буквы. На светлом полотнище было начертано единственное слово: ЖИВИ.

2

Горячий ветер моментально высушил кровь. Кляксы потемнели и утратили яркость. Спустя минуту они выглядели уже застарелыми, как будто появились задолго до начала нашего рейса. Было тихо. Люди застыли, пытаясь прийти в себя. Матрос, стоящий рядом со мной, прижимал ладонь к шее между грудиной и кадыком — характерный жест в попытке уберечь душу. Он неотрывно смотрел на парус и шевелил губами. Кажется, читал про себя «Огонь милосердный».

Первой не выдержала бойкая барышня.

— Живи? — прочла она вслух с недоумением в голосе. — Господа, но что это должно означать?

Все, наконец, встряхнулись и начали переглядываться, словно эта реплика сняла колдовское оцепенение.

— Я полагаю, — купец задумчиво потер подбородок, — что послание адресовано кому-то из нас. Одному конкретному человеку. И будет понятно только ему.

— Кому именно?

— Не знаю. Но вряд ли он или она заявит об этом во всеуслышание.

А дядя, судя по всему, не дурак. Я-то как раз догадываюсь, к кому обращен призыв, — присутствие моей крови в гадальном шаре не могло пройти без последствий. Но содержание мне, если честно, не очень нравится. Живи... То есть уходить мне нельзя, а значит, еще, как минимум, один цикл? Ох, как не хочется, кто бы знал...

Устал я уже — сил нет. Могу и сорваться. Тьма, ну вот кто тянул за язык эту балаболку? Гадание ей подавай... Летели бы спокойно, сели бы в Белом Стане... Зашел бы напоследок в кабак — сегодня хозяева все лучшее выставят... В общем, нашел бы, чем заняться до вечера... А дальше... Да уж, дальше не самая приятная часть...

Или, может, я неправильно толкую послание? Да нет, пожалуй, все очевидно — ничего другого в голову не приходит.

— Но как же так? — Барышня чуть не плакала от обиды.— Мы же все гадали, это нечестно! И вообще, почему вдруг буквы? Никогда ведь такого не было! Господа, ну скажите же, не молчите!

— Вы правы, сударыня,— пожал плечами купец.— Я тоже не помню, чтобы знаки складывались в осмысленные слова. Но я застал только обычные циклы. Когда в последний раз сменялся большой, я еще лежал в колыбели. Может быть, кто-то более опытный?

Все, не сговариваясь, посмотрели на опекуншу, но та сохранила ледяное молчание. Капитан кашлянул:

— Итак, господа. Обычай мы соблюдали. Возвращаемся к насущным проблемам. После посадки все покидают борт. Это, я надеюсь, понятно? Рядом с причалом есть несколько постоянных дворов. Там можно переждать с комфортом. Если все закончится ночью, и корабль... — Он на мгновение запнулся, и мне показалось, что палуба под ногами едва ощутимо дрогнула.— ...Так вот, если корабль будет готов, то завтра стартуем в полдень. Задержку постараемся наверстать...

Когда впереди показались городские постройки, солнце уже заметно сместилось к западу. Но зной не желал отступать — наоборот, он стал почти осязаемым. Даже ветер ослаб, как будто увяз в загустевшем

воздухе. Марева бродили над степью, и очертания города дрожали, словно мираж. Остров, затерянный в белом ковыльном море...

Матросы засустились, спеша убрать паруса. Корабль замедлил ход. Теперь предстояло самое сложное.

Капитан подошел к носовой фигуре в виде летучего змея. Казалось, змей прорастает прямо из корабля, из верхней части форштевня, вытягивая шею вперед. В деревянной шкуре мерцали фиолетовые прожилки — вкрапления живого металла. Впрочем, прожилки эти заметно потускнели от времени. Корабль-ящер был стар — даже старше, пожалуй, чем опекунша-мушкетерша, хоть и сложно в это поверить.

Капитан положил на шкуру ладонь.

Воздух опять колыхнулся, и мне почудилось, что змей недовольно пошевелил головой. Он не хотел садиться в этом чужом краю — его манила далекая синь предгорий. Здешний причал казался ему тесным и неудобным, а город — слишком пыльным и грязным. Но капитан просил, обращаясь к нему безмолвно.

«...Ты мудр и велик, летучий змей. Ты скользишь над землей, обгоняя тучи. Глядишь свысока на жалких двуногих, которые копошатся в пыли. Да, мы живем в тесноте и копоти, и наши дома, прижавшиеся друг к другу, похожи сверху на нелепые соты. Тебя, старый змей, раздражают визгливые перебранки на наших улицах и смердящие нечистоты. Ты не можешь понять, зачем было строить город в белой степи, раскаленной, как сковородка. Не желаешь делать здесь остановку. Но ты же видишь — солнце плачет над нами. Мы не в силах выносить его слезы. Поэтому будь снисходителен, мудрый змей, и позволь нам спуститься с неба, чтобы найти убежище на земле...»